

ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА РОСТ ВВП

Сергей РАСТОРГУЕВ, Елена БРОДОВСКАЯ, Роман ПАРМА
Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация: В статье исследуется взаимосвязь качества политических и экономических институтов с экономическим ростом. Цель работы заключается в эмпирической проверке гипотезы о взаимозависимости качества институтов и темпов роста ВВП в период после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Хронологические рамки охватывают период устойчивого мирового экономического роста с 2010 по 2018 гг., верхняя граница которого обусловлена началом кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Для оценки качества политических институтов используется средняя за девять лет позиция страны в «Индексе демократии» (англ. *“Democracy Index”*). Качество экономических институтов оценивается на основе средней за тот же период позиции страны в «Индексе легкости ведения бизнеса» (англ. *“Ease of Doing Business Index”*). Темпы экономического роста стран рассчитаны как средняя позиция в рейтинге за девять лет по данным Всемирного банка. Корреляционный анализ доказывает, что в период после глобального экономического кризиса наибольшие темпы роста демонстрировали страны с достаточно низкими позициями в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса», тогда как лидеры рейтингов показывали более низкие темпы экономического роста. Обнаруженные расхождения могут объясняться как эффектом низкой базы ряда стран-лидеров по темпам роста, так и эффективной экономической политикой их элит. При этом кейс России демонстрирует положительную корреляцию между низкой позицией в «Индексе демократии» и низкой позицией по темпам экономического роста, а также отрицательную корреляцию между относительно неплохой позицией в «Индексе бизнеса» и низкой позицией по темпам экономического роста. Этот парадокс может объясняться как значительными негативными эффектами глобального экономического кризиса

Сергей Викторович Расторгуев – доктор политических наук, профессор Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ.

ORCID: 0000-0003-1185-9374. E-mail: srastorguev@fa.ru
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ.

ORCID: 0000-0001-5549-8107. E-mail: evbrodovskaya@fa.ru
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

Роман Васильевич Парма – кандидат политических наук, доцент Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ.

ORCID: 0000-0002-3413-4264. E-mail: rvparma@fa.ru
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

Поступила в редакцию: 04.07.2023

Принята к публикации: 28.10.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

и антироссийскими санкциями, так и неэффективной экономической политикой. Полученные результаты указывают на необходимость дальнейшего развития методологии исследований на стыке политологии и экономики для лучшего понимания взаимосвязи институтов различных сфер общественной жизни и динамики макроэкономических показателей.

Ключевые слова: неоинституциональный подход, глобальные индексы, политические институты, экономические институты, экономический рост, ВВП, экономическая политика

Неоинституциональная доктрина

Согласно положениям одного из основоположников современной экономической теории Д. Норта, институты представляют собой социальные механизмы, нормы поведения, которые обеспечивают выполнение правил и структурируют взаимодействия людей. Его трактовка институтов как формальных и неформальных «правил игры» была положена в основу неоинституционального подхода в экономике, который позднее получил широкое распространение в общественных науках. По мнению Д. Норта, экономический рост происходит вследствие повышения производительности под влиянием технологических изменений и институциональных перемен (как в политической, так и в экономической среде), защищающих право собственности. Развитие «институтов, способствующих заключению сделок, приводит не только к расширению производства и торговли, но и к последующему снижению транзакционных издержек» (North, 1989). Таким образом, динамика экономического роста зависит от институциональных изменений, обеспечивающих эффективное функционирование рынков.

В свою очередь, основоположник неоинституционализма в политических науках Р. Патнэм объяснял экономический рост плодотворным влиянием гражданского общества на формирование институтов. Сообщества, построенные на ценностях доверия и сотрудничества, способствуют эффективному управлению и экономическому процветанию. Для успеха демократии необходимо сформировать взаимное доверие между гражданами и организовать горизонтальную систему управления обществом. Отмечалось, что гражданское общество создает богатство, но богатство не создает гражданское общество (Putnam, Leonardi & Nonetti, 1993). В современных исследованиях закрепилось положение об обусловленности экономического роста качеством институтов. Многие работы исходят из положения о том, что институты детерминируют рост, а исследования в рамках неоинституциональной доктрины доказывают наличие тесных причинно-следственных связей между институтами и экономическими показателями.

Таким образом, основной причиной различной динамики развития стран считается качество действующих в них институтов, которое определяется на основании соответствия идеалам либеральной демократии.

Неоинституционалисты, продвигающие теорию демократизации, утверждают, что механизмы развития институтов генерируют решения социально-экономических проблем, а это, в свою очередь, способствует улучшению экономических показателей (Acemoglu, Johnson, & Robinson, 2005). Так, Д. Асемоглу утверждал, что существуют убедительные эмпирические доказательства гипотезы о том, что различия в доходах на душу населения связаны именно с экономическими институтами, а не с географическими факторами, культурными особенностями или удачей (Acemoglu, 2009). В то же время экономическая политика и тип институтов могут зависеть от того, какой именно политический режим сформирован в стране (Асемоглу, 2018). В странах, тяготеющих к авторитаризму, рентоориентированные «господствующие коалиции» не способны создавать долгосрочные стимулы экономического роста как в силу монополизации наиболее прибыльных сегментов экономики участниками самой коалиции, так и в силу опасений возможной конкуренции в политическом поле в результате развития независимых рыночных игр (Норт, Уоллис & Вайнгаст, 2011).

Первоначальные улучшения институтов общественного порядка вызывают накопление доверия и приводят к экономическому росту в условиях рыночных отношений (Bodoh-Creed, 2019). Экономические институты определяют стимулы и ограничения действий экономических субъектов. Институциональные факторы влияют на общую эффективность факторов производства – качественные институты характерны для стран с высокой производительностью труда.

Оппозиция неоинституционализму

Вместе с тем утверждение о том, что экономический рост детерминирован качеством институтов, ставится рядом исследователей под сомнение. В политических и экономических работах выдвигаются различные теории, анализирующие проблему экономического роста в странах, чьи политические режимы не соответствуют институциональным стандартам западной демократии. Так, А. Пшеворски и Ф. Лимонджи приходят к выводу об отсутствии корреляции между демократическим режимом и экономическим ростом (Przeworski & Limongi, 1993). Сравнение динамики экономического роста в развивающихся странах показывает, что высоких темпов достигают там, где создана эффективная система управления (Olson, Sarna & Swamy, 2000).

Экономический рост определяется различными структурами стимулов, отражающими существенные различия в институциональных системах (Olson, 2000). Например, Х-Дж. Чанг рассматривал успешные примеры ускоренного роста с опорой на внутренние ресурсы, включая государственную собственность и механизмы государственного регулирования экономики в условиях недемократических режимов, высокого уровня коррупции и инфляции (Chang, 2011). В то же время Дж. Сакс пришел к неожиданному выводу: даже при ориентации правящей элиты на ренту и привилегии возможен

переход к ускоренному экономическому росту для увеличения общественного богатства, которое служит базой для налогообложения и источником государственных доходов (Sachs, 2012).

На основании мета-регрессионного анализа А. Эфендик, Д. Пью, Н. Аднетт пришли к выводу, что исследования, основанные на теории роста, не предоставляют надежных эмпирических доказательств значительного эффекта институционального воздействия на уровень производства. Сопоставление эмпирических данных подтверждает лишь то, что влияние качества институтов на экономические показатели является положительным (Efendic, Pugh & Adnett, 2011). При этом сравнительные исследования показывают, что влияние качества институтов на экономический рост выше в развитых странах, чем в развивающихся, и что именно развитые страны получают наибольшие выгоды от дальнейшего улучшения качества институтов (Nawaz, 2015).

В рамках неоинституционального подхода выделяются два концептуальных направления. Одно из них утверждает, что институциональное качество является главным фактором, определяющим экономический рост. Второе направление рассматривает экономический рост и развитие институтов как процессы взаимного влияния, в ходе которого некоторые страны могут оказаться в «ловушке» среднего или низкого уровня дохода (Kar, Roy, & Sen, 2019). Тем не менее в научных кругах продолжает преобладать точка зрения, что улучшение качества институтов неизбежно ведет к ускорению экономического роста.

Установление взаимозависимости

В свете актуальности вопроса необходимо верифицировать распространенное мнение о том, что экономический рост в каждой стране определяется качеством ее институтов. Цель данного исследования заключается в выявлении взаимосвязи между темпами экономического роста и качеством политических и экономических институтов. Позиции стран по темпам экономического роста рассчитаны по данным Всемирного банка за 2010–2018 гг. как средние показатели за девять лет. Выбор хронологических рамок обусловлен их соответствием периоду после завершения глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. и до начала пандемии COVID-19.

Для установления этой взаимозависимости используются *"Democracy Index"* (далее – «Индекс демократии»), разработанный британской компанией *Economist Intelligence Unit*, и *"Ease of Doing Business Index"* Всемирного банка (далее – «Индекс бизнеса»). «Индекс демократии» позволяет измерить качество политических институтов. Он включает оценку электоральных процессов, функционирования правительства, политического участия, политической культуры, гражданских свобод. «Индекс бизнеса» оценивает качество экономических институтов по показателям затрат времени и средств на открытие и закрытие бизнеса, получение разрешений на строительство, подключение к инфраструктуре, регистрацию имущества, исполнение контрактов и налоговое бремя. Следует отметить, что майские указы Президента России 2012 г.

включили в *KPI* государственных служащих задачу по продвижению страны на 20-е место в рейтинге *"Ease of Doing Business Index"* к 2018 г.; в 2019 г. данная цель была продлена до 2024 г.

В настоящем исследовании наличие взаимосвязи между переменными – позицией по темпам экономического роста и позицией в «Индексе бизнеса», а также позицией по темпам роста и позицией в «Индексе демократии» – проверяется через значение коэффициента парной корреляции, который рассчитывается по следующей формуле:

$$r_n = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}$$

На первом этапе проверяется неоинституциональная гипотеза о положительном влиянии демократических и рыночных институтов на темпы экономического роста. Для тестирования гипотезы рассчитываются коэффициенты корреляции для стран-лидеров по «Индексу бизнеса» и «Индексу демократии».

Таблица 1. Коэффициенты корреляции позиций стран по темпам экономического роста и их позиций в «Индексе бизнеса», «Индексе демократии», 2010–2018 гг.¹
Table 1. Correlation coefficients for countries' positions in the economic growth rate ranking, "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index", 2010–2018

Позиция страны по темпам эконом. роста (среднее за 9 лет)	Страна	Позиция в «Индексе бизнеса» (среднее за 9 лет)	Позиция в «Индексе демократии» (среднее за 9 лет)	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу бизнеса»	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу демократии»
75	Сингапур	1	75	0,32	-0,74
98	Исландия	16	2	-0,60	0,30
102	Гонконг*	3	70	0,04	-0,84
111	Новая Зеландия	2	4	0,19	0,84
113	Республика Корея	8	21	0,65	-0,40
118	Швеция	12	3	-0,20	-0,59
130	США	5	20	-0,12	-0,49
132	Канада	15	7	-0,02	-0,31
140	Великобритания	7	16	-0,84	0,11
141	Швейцария	27	8	-0,19	-0,27
146	Дания	4	4	0,69	-0,63
147	Норвегия	8	1	0,56	-
150	Финляндия	12	8	-0,42	-0,04

¹ Рассчитано авторами на основе данных *World Bank* (n.d.) *Ease of Doing Business Rankings*. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 8 July 2024); *Economist Intelligence Unit* (n.d.) *Democracy Index*. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 8 July 2024); *World Bank* (n.d.) *GDP growth (annual %)*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 8 July 2024).

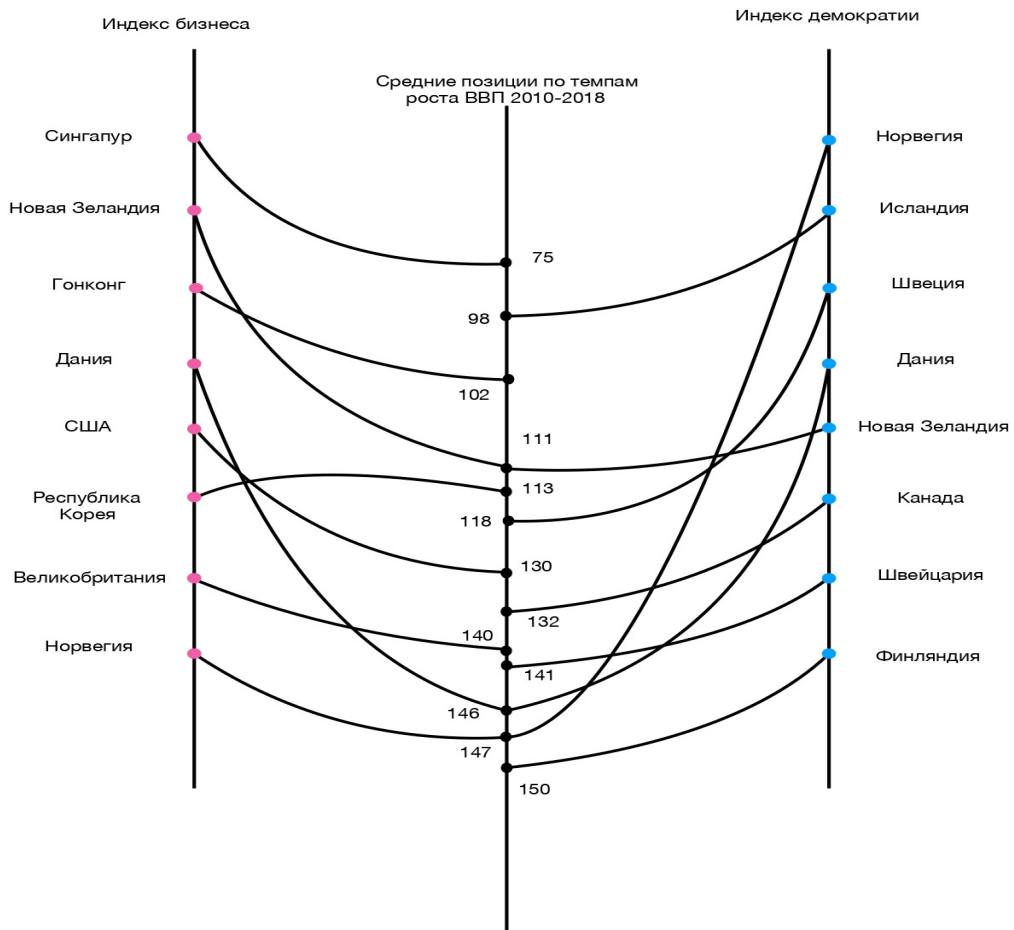

Рисунок 1. Сопоставление стран-лидеров по «Индексу бизнеса» и «Индексу демократии» с позициями по темпам экономического роста в 2010–2018 гг.²

Figure 1. Comparison of leading countries in "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index" with their positions in the economic growth rate ranking, 2010–2018

Рассматриваются случаи, когда значения коэффициентов парной корреляции указывают на значимую связь между переменными (более 0,6 или менее -0,6). Так, повышение позиций Сингапура и Гонконга* в «Индексе демократии» сопровождалось снижением их позиций в рейтинге экономического роста,

² Рассчитано авторами на основе данных *World Bank* (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 08.07.2024); *Economist Intelligence Unit* (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 08.07.2024); *World Bank* (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 08.07.2024).

тогда как небольшое понижение позиции Дании в «Индексе демократии» показало корреляцию с улучшением экономических показателей. Лишь в случае Новой Зеландии наблюдается сильная положительная корреляция между темпами экономического роста и позицией в «Индексе демократии», что частично подтверждает гипотезу.

В случаях Великобритании и Исландии наблюдается отрицательная корреляция между позициями по качеству экономических институтов и темпами экономического роста. В то же время для Республики Корея и Дании выявлена положительная корреляция между позицией в «Индексе бизнеса» и рейтингом темпов роста. Таким образом, наличие значимой корреляционной связи в пяти случаях опровергает гипотезу, тогда как в трех других случаях гипотеза подтверждается.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции позиций стран-лидеров по темпам экономического роста и их позиций в «Индексе бизнеса», «Индексе демократии», 2010–2018 гг.³

Table 2. Correlation coefficients for leading countries' positions in the economic growth rate ranking, "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index", 2010–2018

Позиция страны по темпам эконом. роста	Страна	Позиция в «Индексе бизнеса» (среднее за 9 лет)	Позиция в «Индексе демократии» (среднее за 9 лет)	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу бизнеса»	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу демократии»
1	Эфиопия	130	123	-0,38	-0,43
2	Монголия	69	63	-0,70	0,68
3	Китай	86	139	0,60	0,53
4	Руанда	51	134	-0,42	0,62
5	Мьянма	173	137	0,74	0,35
6	Камбоджа	136	110	-0,71	0,78
7	Индия	129	36	0,63	0,67
8	Гвинея	168	161	0,56	0,70
9	Азербайджан	62	144	-0,40	0,55

³ Рассчитано авторами на основе данных *World Bank* (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 8 July 2024); *Economist Intelligence Unit* (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 8 July 2024); *World Bank* (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 8 July 2024).

Данные корреляционного анализа для стран, лидирующих по темпам экономического роста в 2010–2018 гг., свидетельствуют о сильной взаимосвязи между тремя переменными только для Камбоджи и Монголии. В частности, наблюдается отрицательная корреляция между позициями в «Индексе бизнеса» и темпами экономического роста, а также положительная корреляция между позициями в «Индексе демократии» и темпами роста. Выявленная высокая степень корреляции между качеством экономических институтов и высокими темпами экономического роста в Мьянме вызывает сомнения, поскольку эта страна была включена в «Индекс бизнеса» только в 2014 г.

Для Гвинеи и Индии также зафиксированы относительно сильные корреляционные связи между позициями по качеству демократических институтов и темпами экономического роста. Вместе с тем средние за девять лет позиции этих стран в «Индексе демократии» существенно различаются: Индия стабильно входит в топ-10 «дефектных демократий», в то время как Гвинея остается на нижних позициях среди авторитарных режимов. В случае Китая корреляция между позицией в «Индексе демократии» и темпами экономического роста не оказалась значимой, что объясняется относительно невысокими показателями страны в рейтингах западных демократических ценностей.

Среди стран с наиболее высокими темпами экономического роста за 2010–2018 гг., к которым относятся Эфиопия, Монголия, Китай, Руанда, Мьянма, Камбоджа, Индия, Гвинея и Азербайджан, относительно высокие позиции в «Индексе демократии» по среднему значению за девять лет занимают Индия (36 место, «дефектная демократия») и Монголия (63 место «дефектная демократия»). Основная же группа этих стран относится к авторитарным режимам. В то же время ни одна из стран-лидеров по темпам экономического роста не вошла в первые 50 позиций по «Индексу бизнеса», а пять стран находятся за пределами первой сотни.

Это позволяет заключить, что западные демократические политические институты и рыночные экономические практики не гарантируют устойчивого экономического роста в среднесрочной перспективе. В действительности страны с низкими позициями в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса» демонстрируют более высокие темпы экономического роста. Вопрос о том, в какой степени этот результат связан с экономической депрессией и низкими темпами роста экономик стран Запада после кризиса 2008 г., эффектом низкой базы для ряда развивающихся стран, высоким качеством «недемократических институтов» Китая или благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, требует дальнейшего анализа.

Вместе с тем значимая положительная корреляция между позициями в «Индексе демократии» и темпами экономического роста обнаружена для пяти стран, а между позициями в «Индексе бизнеса» и темпами роста – для трех стран, что может служить подтверждением гипотезы Р. Барро о положительном влиянии демократических и рыночных институтов в начальной фазе трансформации авторитарных режимов (Barro, 1994).

Показатели России также рассматриваются с помощью корреляционного анализа. Как и для предшествующих стран, основной переменной выступает позиция страны по темпам роста ВВП, в качестве второстепенных переменных используются позиции в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса». Расчет парных коэффициентов корреляции позволил выявить взаимосвязи между этими переменными.

Таблица 3. Позиции России в «Индексе демократии», «Индексе бизнеса», рейтинге стран мира по темпам экономического роста, 2010–2018 гг.⁵

Table 3. Russia's positions in the economic growth rate ranking, "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index", 2010–2018

Год	Позиция России в «Индексе демократии»	Позиция России «Индексе бизнеса»	Позиция России в рейтинге стран мира по темпам экономического роста
2010	107	120	96
2011	117	123	90
2012	122	120	92
2013	125	112	150
2014	132	92	171
2015	132	62	193
2016	134	51	177
2017	135	40	152
2018	144	35	129

Таблица 4. Расчет параметров для вычисления коэффициента корреляции позиций России в «Индексе демократии» (Y), рейтинге стран мира по темпам экономического роста (X)

Table 4. Calculation of correlation coefficient parameters for Russia's positions in the "Democracy Index" (Y) and in the economic growth rate ranking (X)

	Y	X	$Y - Y_{cp}$	$X - X_{cp}$	$\frac{(Y - Y_{cp})}{(X - X_{cp})}$	$(Y - Y_{cp})^2$	$(X - X_{cp})^2$
	107	96	-20,6	-42,9	881,6	422,5	1839,5
	117	90	-10,6	-48,9	516,0	111,4	2390,1
	122	92	-5,6	-46,9	260,5	30,9	2198,6
	125	150	-2,6	11,1	-28,4	6,5	123,5
	132	171	4,4	32,1	142,7	19,8	1031,1
	132	193	4,4	54,1	240,5	19,8	2928,0
	134	177	6,4	38,1	245,6	41,5	1452,5
	135	152	7,4	13,1	97,6	55,4	171,9
	144	129	16,4	-9,9	-162,6	270,4	97,8
Среднее	127,6	138,8			2193,6	978,2	12232,9

$r = 0,634111$ – положительная корреляционная зависимость, средняя сила связи.

⁵ Рассчитано авторами на основе данных World Bank (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 8 July 2024); Economist Intelligence Unit (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 8 July 2024); World Bank (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 8 July 2024).

Таблица 5. Расчет параметров для вычисления коэффициента корреляции позиций России в «Индексе бизнеса» (Y), рейтинге стран мира по темпам экономического роста (X)

Table 5. Calculation of correlation coefficient parameters for Russia's positions in the "Ease of Doing Business Index" (Y) and in the economic growth rate ranking (X)

	Y	X	$Y - Y_{cp}$	$X - X_{cp}$	$(Y - Y_{cp})$ $(X - X_{cp})$	$(Y - Y_{cp})^2$	$(X - X_{cp})^2$
	120	96	36,1	-42,9	-1548,8	1304,0	1839,5
	123	90	39,1	-48,9	-1912,1	1529,7	2390,1
	120	92	36,1	-46,9	-1693,2	1304,0	2198,6
	112	150	28,1	11,1	312,3	790,2	123,5
	92	171	8,1	32,1	260,5	65,8	1031,1
	62	193	-21,9	54,1	-1184,4	479,1	2928,0
	51	177	-32,9	38,1	-1253,4	1081,7	1452,5
	40	152	-43,9	13,1	-575,4	1926,2	171,9
	35	129	-48,9	-9,9	483,5	2390,1	97,8
Среднее	83,8	138,8			-7111,1	10870,9	12232,9

$r = -0,616652$ – отрицательная корреляционная зависимость, средняя сила связи.

В случае России результаты корреляционного анализа представляются достаточно парадоксальными. Коэффициент корреляции между позицией страны в «Индексе демократии» и темпами экономического роста за 2010–2018 гг. составил 0,63, что указывает на наличие средней по силе связи между переменными: чем хуже оценивалось качество демократических институтов России, тем хуже оказывались ее объективные показатели по темпам экономического роста. В то же время корреляционный анализ позиции России в «Индексе бизнеса» и позицией по темпам экономического роста выявил отрицательную корреляцию средней силы ($-0,62$). Это свидетельствует о том, что повышение страны в международной экспертной оценке качества экономических институтов ассоциировано с ухудшением результатов по показателю экономического роста.

Хотя результаты корреляции качества демократических институтов и темпов роста экономики укладываются в рамки неоинституциональной теории, отрицательная корреляция между качеством экономических институтов и темпами роста выходит за пределы объясняющей силы теории и требует дополнительного анализа. Для более глубокого понимания случая России можно использовать разработки Г.Б. Клейнера о взаимовлиянии различных подсистем социально-экономического пространства (Клейнер, 2020), Р.М. Нуреева о влиянии системы институтов на экономическое развитие и возможности ее использования для модернизации (Нуреев, 2017), А.А. Аузана о влиянии неформальных институтов на траекторию экономического развития («коля торможения») (Аузан, 2017).

В качестве гипотез, объясняющих парадокс российского кейса, можно выдвинуть три предположения. Во-первых, низкие темпы экономического роста России могут быть обусловлены эффектом «идеального шторма», когда

на экономику одновременно повлияли три независимых фактора: падение мировых цен на энергоносители, антироссийские санкции и последствия глобального экономического спада после кризиса 2008 г.

Во-вторых, методология «Индекса бизнеса» не учитывает ряд факторов, которые в рамках парадигмы рыночного либерализма считаются несущественными, но могут оказывать значительное влияние на экономику России. К этим факторам относятся вмешательство силовых структур и правоохранительных органов в экономические процессы, высокий уровень огосударствления экономики, а также сознательная политика правительства по замораживанию средств в ущерб инвестициям.

В-третьих, Россия традиционно входит в число стран с высоким уровнем теневой экономики, которая не учитывается в официальной отечественной и международной статистике при расчете темпов роста ВВП. Можно предположить, что субъекты теневой экономики не воспринимают улучшение позиции России в «Индексе бизнеса» как положительный сигнал, продолжая создавать товары и оказывать услуги вне официального учета. Включение теневого сектора в расчеты могло бы скорректировать показатели ВВП и темпов экономического роста России в сторону увеличения.

Тем не менее результаты исследования не подтверждают жесткой детерминированности темпов экономического роста качеством институтов, измеряемым по модели либеральной демократии с рыночной экономикой. Это ставит под сомнение ключевые постулаты неоинституционализма, которые его сторонники возводят в доминирующую доктрину. Подобные результаты побуждают к поиску альтернативных оснований экономического роста и пересмотру критериев, используемых для оценки качества институтов.

Ключи роста

По мере накопления множества отклоняющихся случаев взгляды основоположников теории эволюционировали от детерминизма институтов к многофакторным моделям экономического роста. Если в ранних работах Д. Норт рассматривал институты как ключ к пониманию изменений, формирующих структуру экономических стимулов, то в более поздних трудах он также признает значимость культуры как важного фактора, определяющего эффективность экономик и государств. Кроме того, в дальнейшем ключом к пониманию процесса изменений им признается «свобода воли» и интенции игроков. Д. Норт пришел к выводу, что под влиянием различных факторов в каждой стране формируется уникальная институциональная структура, обуславливающая траекторию экономического развития (North, 2005).

Полученные в исследовании результаты вносят вклад в дискуссию о степени взаимосвязи между качеством политических и экономических институтов и темпами экономического роста. По мнению Э. Глезера и соавторов, большинство показателей качества институтов, используемых для подтверждения их функциональной связи с экономическим ростом, концептуально неадекватны, а методики применения инструментальных переменных несовершенны.

Ряд кейсов показывает, что (а) человеческий капитал является более значимым источником роста, чем институты, (b) бедные страны выходят из положения посредством эффективной экономической политики, которую часто проводят авторитарные лидеры, и (с) впоследствии происходит улучшение политических институтов (Glaeser et al., 2004).

Российские исследователи В. Полтерович и В. Попов, исходя из представления о необходимости правопорядка для обеспечения устойчивого экономического развития, приходят к двум связанным выводам. Во-первых, в странах с сильным правопорядком демократизация способствует экономическому росту, тогда как в странах со слабым правопорядком она, напротив, подрывает его. Во-вторых, демократизация в условиях слабого правопорядка приводит к формированию нелиберальных демократий, в которых ослабляется институциональный потенциал государства, снижается качество макроэкономической политики и расширяется теневая экономика (Полтерович & Попов, 2006).

Ряд авторов, исследующих влияние качества институтов на экономический рост, приходят к неоднозначным выводам. С одной стороны, некоторые исследования указывают на важность эффективного государственного управления как важного элемента долгосрочного экономического развития (Savoia & Sen, 2015). С другой стороны, отмечается, что страны с изначально низким качеством институтов испытывают затруднения в ускорении экономического роста и, как правило, отстают от стран с высоким качеством институтов (Savoia & Sen, 2016). Большинство исследований подтверждают тезис о положительном влиянии качества институтов на экономические показатели. Вместе с тем при рассмотрении обширной выборки исследований, изучающих влияние институтов на экономический рост, выявляется значительная публикационная предвзятость, при которой в публикации попадают преимущественно исследования с положительными результатами, даже если они не подтверждают эмпирический эффект (Kar, Roy & Sen, 2019).

Полученные авторами результаты подкрепляют тезис Х.-Дж. Чанга о том, что обратная причинно-следственная связь – от экономического роста к качеству институтов – является более значимой, чем влияние качества институтов на экономический рост. Неинституциональный дискурс сталкивается с рядом теоретических проблем. Во-первых, вера в свободный рынок и защиту частной собственности часто приводит к пренебрежению рациональным поиском причинно-следственных связей между развитием и институтами. Во-вторых, доказательства превосходства либеральных институтов зачастую зависят от исследований, основанных на дефектных концепциях и некорректных измерениях (Chang, 2011).

В ряде случаев утверждается обратная взаимосвязь, согласно которой экономическое развитие меняет общественные институты. Влияние экономического развития на институты может быть даже сильнее, чем обратное влияние институтов на экономическое развитие. Повышение благосостояния, обусловленное экономическим ростом, может способствовать повышению

спроса на более качественные институты и сделать их более доступными. Экономическое развитие также создает новых агентов перемен, формирующих новые институты (Gagliardi, 2017). В некоторых странах, несмотря на заимствование западных институтов, экономический рост остается неустойчивым, тогда как в ряде других стран с институциональными структурами, отличными от западных, наблюдается стабильный высокий рост экономики и благосостояния (Valeriani & Peluso, 2011).

Исследователи выявляют закономерность: институциональные реформы способствуют экономическому росту в развитых демократических странах, но не оказывают аналогичного эффекта в недемократических государствах (Iqbal & Daly, 2014). Сравнение экономических показателей стран мира показывает, что многие развивающиеся страны демонстрируют высокий темп роста, используя возможности «наверстать упущенное». Россия представляется парадоксальным случаем: улучшение экономических институтов происходило одновременно с ослаблением демократических институтов, при этом ее средняя позиция по темпам экономического роста в 2010–2018 гг. соответствовала показателям Канады и США, а не государств со схожими позициями по индексам демократии и бизнеса.

Таким образом, можно заключить, что современная система критериев качества институтов продиктована доминирующими идеологическими представлениями о либеральной демократии и предопределенности. Она не соответствует реалиям экономического развития и принципам эффективности, многофакторности и разнообразия. Институциональный детерминизм в целом и доминирующая модель оценки качества институтов в частности требуют критического переосмысления, поскольку не могут в полной мере объяснить траектории развития стран. Как показывает новейшая история, политические лидеры и элиты, обладающие свободой воли, продвигающие национальные интересы и принимающие перспективные решения, приводят свои народы к экономическому благосостоянию. Каждая страна потенциально способна выйти из «плена институтов» и совершить экономический скачок «из третьего мира в первый» (Lee, 2000).

Список литературы

1. Асемоглу Д. (2018) *Введение в теорию современного экономического роста*. В 2-х кн. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
2. Аузан А. А. (2017) Развитие и «колея» зависимости. *Мировая экономика и международные отношения* 61(10): 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105.
3. Клейнер Г. Б. (2020) Системная реконструкция российского социально-экономического пространства. *Экономическое возрождение России* 2: 59–69. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69.
4. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара.

6. Нуреев Р. М. (2009) *Россия: особенности институционального развития: монография*. М.: НОРМА.
7. Полтерович В. М. & Попов В. В. (2006) Демократия, качество институтов и экономический рост. *Прогнозис* 3: 115–132.
8. Acemoglu D. (2009) *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton: Princeton University Press.
9. Acemoglu D., Johnson S. & Robinson J. (2005) Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier North-Holland, pp. 385–472.
10. Barro R. (1994) Democracy & Growth. Working Paper 4909. *National Bureau of Economic Research*.
11. Bodoh-Creed A. L. (2019) Endogenous Institutional Selection, Building Trust, and Economic Growth. *Games and Economic Behavior* 114: 169–176. DOI: 10.1016/j.geb.2019.01.005.
12. Chang H.-J. (2011) Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History. *Journal of Institutional Economics* 7(4): 473–498. DOI: 10.1017/S1744137410000378.
13. Efendic A., Pugh G. & Adnett N. (2011) Institutions and Economic Performance: A Meta-Regression Analysis. *European Journal of Political Economy* 27(3): 586–599.
14. Gagliardi F. (2017) Institutions and Economic Change. *Journal of Comparative Economics* 45(1): 213–215. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2010.12.003.
15. Glaeser E. L., Porta R., Lopez-de-Silanes F. & Shleifer A. (2004) Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth* 9: 271–303. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed.
16. Iqbal N. & Daly V. (2014) Rent Seeking Opportunities and Economic Growth in Transitional Economies. *Economic Modelling* 37: 16–22. DOI: 10.1016/j.econmod.2013.10.029.
17. Kar S., Roy A. & Sen K. (2019) The Double Trap: Institutions and Economic Development. *Economic Modelling* 76: 243–259. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.08.002.
18. Lee Kuan Yew. (2000) *From Third World to First: The Singapore Story – 1965–2000*. Harper.
19. Nawaz S. (2015) Growth Effects of Institutions: A Disaggregated Analysis. *Economic Modelling* 45: 118–126. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.11.017.
20. North D. C. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development* 17(9): 1319–1332.
21. North D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
22. Olson M. (2000) Big Bills Left on Sidewalk: Why Some Nations Are Rich, and Others Poor. In: *A Not-So-Dismal Science: A Broader View of Economies and Societies*. Oxford: Oxford University Press.
23. Olson M., Sarna N. & Swamy A. V. (2000) Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity. *Public Choice* 102(3–4): 341–364.
24. Przeworski A. & Limongi F. (1993) Political Regimes and Economic Growth. *Journal of Economic Perspectives* 7(3): 51–69. DOI: 10.1257/jep.7.3.51.
25. Putnam R., Leonardi R. & Nonetti R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
26. Sachs J. (2012) Government, Geography, and Growth. The True Drivers of Economic Development. *Foreign Affairs* 91(5): 142–150.
27. Savoia A. & Sen K. (2016) Do We See Convergence in Institutions? A Cross-Country Analysis. *The Journal of Development Studies* 52(2): 166–185. DOI: 10.1080/00220388.2015.1060315.
28. Savoia A. & Sen K. (2015) Measurement, Evolution, Determinants and Consequences of State Capacity: A Review of Recent Research. *Journal of Economic Surveys* 29: 441–458. DOI: 10.1111/joes.12065.
29. Valeriani E. & Peluso S. (2011) The Impact of Institutional Quality on Economic Growth and Development: An Empirical Study. *Journal of Knowledge Management, Economics and Information Technology* 1(6): 274–299.

INFLUENCE OF QUALITY OF POLITICAL AND ECONOMIC INSTITUTIONS ON GDP GROWTH

Dr. Sergey V. RASTORGUEV – Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-1185-9374. E-mail: srastorguev@fa.ru
49/2 Leningradsky Prospect, Moscow, Russia, 125167.

Dr. Elena V. BRODOVSKAYA – Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Chief Researcher at the Center for Political Research of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5549-8107. E-mail: evbrodovskaya@fa.ru
49/2 Leningradsky Prospect, Moscow, Russia, 125167.

Dr. Roman V. PARMA – Associate Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3413-4264. E-mail: rvparma@fa.ru
49/2 Leningradsky Prospect, Moscow, Russia, 125167.

Received July 4, 2023

Accepted October 28, 2024

Abstract: This article investigates the relationship between the quality of political and economic institutions and economic growth. The study aims to empirically test the hypothesis of an interdependence between institutional quality and GDP growth rates following the global economic crisis of 2008–2009. The analysis focuses on the period of stable global economic growth from 2010 to 2018, with the upper boundary set at the onset of the COVID-19 crisis. To assess the quality of political institutions, each country's average "Democracy Index" ranking over the nine-year period is used. Economic institutional quality is measured via the country's average position in the "Ease of Doing Business Index" over the same timeframe. Economic growth rates are determined by calculating the average ranking of countries over nine years according to World Bank data. Correlation analysis reveals that, in the post-crisis period, countries with lower positions in both indexes experienced the highest growth rates, while those leading in these rankings displayed comparatively lower economic growth. These observed differences may be attributable to the low-base effect in some rapidly growing countries and the effective economic policies of their elites. In contrast, the case of Russia highlights a unique pattern, where a low «Democracy Index» position correlates with a low economic growth rate, and a relatively favorable «Ease of Doing Business Index» position corresponds to lower growth – a paradox that may be explained by the severe negative impacts of the global economic crisis, anti-Russian sanctions, and ineffective economic policy. The findings underscore the need to further develop research methodologies at the intersection of political science and economics to deepen our understanding of the relationship between institutional quality across different sectors and macroeconomic performance dynamics.

Keywords: neo-institutional approach, global indices, political institutions, economic institutions, economic growth, GDP, economic policy

References:

1. Acemoglu D. (2009) *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton: Princeton University Press.
2. Acemoglu D., Johnson S. & Robinson J. (2005) Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier North-Holland, pp. 385–472.
3. Acemoglu D. (2018) *Vvedenie v teoriju sovremennogo ekonomicheskogo rosta. V 2-kh kn. [Introduction to the Theory of Modern Economic Growth. In 2 Vols.]*. M.: Izdatel'skij dom "Delo" RANKiGS. (In Russian).
4. Auzan A.A. (2017) Razvitie i "koleja" zavisimosti [Path Dependence Problem and Possibilities of Its Overcoming]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]* 61(10): 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105. (In Russian).
5. Barro R. (1994) Democracy & Growth. Working Paper 4909. *National Bureau of Economic Research*.
6. Bodoh-Creed A. L. (2019) Endogenous Institutional Selection, Building Trust, and Economic Growth. *Games and Economic Behavior* 114: 169–176. DOI: 10.1016/j.geb.2019.01.005.
7. Chang H.-J. (2011) Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History. *Journal of Institutional Economics* 7(4): 473–498. DOI: 10.1017/S1744137410000378.
8. Efendic A., Pugh G. & Adnett N. (2011) Institutions and Economic Performance: A Meta-Regression Analysis. *European Journal of Political Economy* 27(3): 586–599.
9. Gagliardi F. (2017) Institutions and Economic Change. *Journal of Comparative Economics* 45(1): 213–215. DOI: 10.1016/j.jpoleco.2010.12.003.
10. Glaeser E. L., Porta R., Lopez-de-Silanes F. & Shleifer A. (2004) Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth* 9: 271–303. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed.
11. Iqbal N. & Daly V. (2014) Rent Seeking Opportunities and Economic Growth in Transitional Economies. *Economic Modelling* 37: 16–22. DOI: 10.1016/j.econmod.2013.10.029.
12. Kar S., Roy A. & Sen K. (2019) The Double Trap: Institutions and Economic Development. *Economic Modelling* 76: 243–259. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.08.002.
13. Klejner G.B. (2020) Sistemnaja rekonstrukcija rossijskogo social'no-jekonomicheskogo prostranstva [Systemic Reconstruction of the Russian Socio-Economic Space]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]* 2: 59–69. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69. (In Russian).
14. Lee Kuan Yew. (2000) *From Third World to First: The Singapore Story – 1965–2000*. Harper.
15. Nawaz S. (2015) Growth Effects of Institutions: A Disaggregated Analysis. *Economic Modelling* 45: 118–126. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.11.017.
16. North D. C. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development* 17(9): 1319–1332.
17. North D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
18. Nort D., Uollis D., Vayngast B. (2011) *Nasiliye i sotsialnyye poryadki. Kontseptualnyye ramki dlya interpretatsii pismennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Order. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. M.: Izd. Instituta Gaydara. (In Russian).
19. Nureev R.M. (2009) *Rossija: osobennosti institucional'nogo razvitiya: monografija [Russia: Features of Institutional Development: Monograph]*. M.: NORMA. (In Russian).
20. Olson M. (2000) Big Bills Left on Sidewalk: Why Some Nations Are Rich, and Others Poor. In: *A Not-So-Dismal Science: A Broader View of Economies and Societies*. Oxford: Oxford University Press.
21. Olson M., Sarna N. & Swamy A. V. (2000) Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity. *Public Choice* 102(3–4): 341–364.

22. Polterovich V.M. & Popov V.V. (2006) Demokratija, kachestvo institutov i ekonomicheskij rost [Democracy, Quality of Institutions, and Economic Growth]. *Prognosis [Prognosis]* 3: 115–132. (In Russian).
23. Przeworski A. & Limongi F. (1993) Political Regimes and Economic Growth. *Journal of Economic Perspectives* 7(3): 51–69. DOI: 10.1257/jep.7.3.51.
24. Putnam R., Leonardi R. & Nonetti R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
25. Sachs J. (2012) Government, Geography, and Growth. The True Drivers of Economic Development. *Foreign Affairs* 91(5): 142–150.
26. Savoia A. & Sen K. (2015) Measurement, Evolution, Determinants and Consequences of State Capacity: A Review of Recent Research. *Journal of Economic Surveys* 29: 441–458. DOI: 10.1111/joes.12065.
27. Savoia A. & Sen K. (2016) Do We See Convergence in Institutions? A Cross-Country Analysis. *The Journal of Development Studies* 52(2): 166–185. DOI: 10.1080/00220388.2015.1060315.
28. Valeriani E. & Peluso S. (2011) The Impact of Institutional Quality on Economic Growth and Development: An Empirical Study. *Journal of Knowledge Management, Economics and Information Technology* 1(6): 274–299.